

Е. Д. ПАНФИЛОВ

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ АНАЛИТИЧЕСКОМ СКЛОНЕНИИ

В мае 1952 г. на совещании в Институте славяноведения АН СССР происходило обсуждение проспекта будущего коллективного труда «Основные вопросы болгарской грамматики»¹. Предметом дискуссии явились многие важные проблемы, в том числе проблемы, выходящие за рамки болгаристики. Естественно поэтому, что в докладе проф. С. Б. Бернштейна было высказано пожелание «...услышать мнение не только болгароведов, но и специалистов по другим языкам»². «Некоторые аналогии, — справедливо заметил докладчик, — могут возникнуть перед специалистами по романским языкам»³. Однако романисты не принимали участия в работе совещания. Это обстоятельство побуждает нас высказать некоторые соображения по одному из затронутых на совещании вопросов. Мы будем оперировать главным образом материалом испанского языка, в котором, действительно, наблюдаются факты, аналогичные фактам языка болгарского.

Проблема падежа в общелингвистическом ее аспекте служила и продолжает, как видим, служить предметом оживленнейших дискуссий. Сущность спора сводится к вопросу о том, являются ли падежи средством выражения понятий об определенных отношениях между предметами и между действием и предметом, или же сами эти понятия составляют содержание категории падежа. С точки зрения семантической верно последнее. Поэтому ее сторонники считают возможным говорить о различных способах выражения падежа и, таким образом, приходят к выводу о всеобщности категории. Ход их рассуждений при этом таков: понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами может быть передано и, действительно, передается на всех языках; следовательно, во всех языках имеется категория падежа.

Сторонники семантической точки зрения учитывают лишь значение и отвлекаются от способов его выражения⁴. «...и без особой падежной

¹ См. сокращенную стенограмму совещания «Основные вопросы грамматики современного болгарского литературного языка» («Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», вып. 10, М., 1953). См. также хронику И. К. Буниной «Обсуждение основных вопросов болгарской грамматики» («Вопросы языкознания», М., 1953, № 1, стр. 155—157).

² «Основные вопросы грамматики современного болгарского литературного языка», стр. 17.

³ Там же.

⁴ См., например, F. R. Blake, A semantic analysis of case, «Curme volume of linguistic studies.—Language monographs publ. by the Linguistic soc. of America», № VII, Baltimore, 1930, стр. 34—49.

формы можно именит особым падеж», — пишет А. Теодоров-Балан⁵ И далее «Нет речи без падежей»⁶ В данном случае болгарский языковед не оригинален. Совершенно тот же тезис выдвигался за пять лет до него датским структуралистом Л. Ельмслевом «Порядок слов, — писал Л. Ельмслев — может выражать падеж. Типетно желали бы мы утверждать будто те же самые падежи, которые в немецком или латинском языке проявляются в окончаниях, выражаются в классическом китайском языке порядком слов. Китайские падежи не тождественны падежам немецкого или латинского языка. Но это — падежи»⁷ И далее «Нет универсальных падежей. Универсальна сама категория «нет языка без падежей»»⁸

Иная точка зрения отчетливо сформулирована русским языковедом Н. П. Некрасовым, который полемизирова с А. И. Томсоном, писал в 1909 г. «Под падежом я разумею не одно его внутреннее грамматическое значение, но и ту внешнюю звуковую сторону слова, в которой оно выражается и которая обуславливается изменениями в окончаниях имен и местоимении, обозначающими грамматические отношения склоняемых слов к другим словам в речи. Где нет этих изменений, там, по моему мнению, нет склонения, нет и падежей»⁹

Еще большее значение морфологии придает проф. В. И. Абаев. «Совершенно очевидно, что при установлении морфологической системы словоизменения имени (т. е. склонения) можно исходить только из морфологической характеристики, а не из функции»¹⁰ Тезис В. И. Абаева слишком прямолинеен и заставляет вспомнить сомнения, высказанные в свое время акад. А. И. Соболевским в «Русском историческом синтаксисе»: «Если принять за основание звуковую форму имени — то мы должны будем сказать, что одни имена (например, *кость*) — только с тремя разными звуковыми формами (единственного числа) имеют меньше падежей, чем другие»¹¹ В западной лингвистике с аналогичным возражением проигрывало узко морфологическое критерия выступал голландский романист де Бур. По его словам, морфологист не вправе утверждать, что, например лат. *gladio* представляет собой две совпадающие формы — форму дательного и форму отложительного падежа, потому что форма та одна¹² К этому можно добавить, что с узко морфологической точки зрения следовало бы признать разными падежами русск. *сахара*, *сахару* *пилюю*, *пилюю*

Де Бур выдвигает «чисто синтаксический» критерий. Он пишет: «Если сравнить между собой конструкции вроде следующих:

Je suis a Rome — Romae sum (я нахожусь в Риме)
Je vais a Rome — Romam eo (я иду в Рим)
La maison de Pierre — domus Petri (Дом Петра)
Il se nuit — sibi nocet (Он вредит себе)
Il vient de Rome — Roma venit (Он приходит из Рима) —

⁵ А. Теодоров-Балан. Новая българска граматика. София 1940, стр. 43. (Цит. по кн. «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», вып. 10, стр. 29.)

⁶ Там же.

⁷ L. Hjelmslev. La categorie des cas: etude de grammairie generale. I. (Acta Jutlandica Aarhus 1935, VII, 1, стр. 68—69.)

⁸ Там же, стр. 70.

⁹ Н. П. Некрасов. По поводу двух статей А. И. Томсона о род и падеж. Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, т. XIV, кн. 3 (186), 1910, стр. 51—52.

¹⁰ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М. — Л. Изд-во АН СССР 1949, стр. 130.

¹¹ Цит. по кн. В. В. Виноградов. Русский язык. М. — Л. Учпедгиз 1947, стр. 169.

¹² M. C. de Boer. L'idee de «cas» ou de «rapports casuels» dans des langues comme le latin et le français. «Revue de Linguistique Romane», t. IV, Paris 1928, стр. 290.

то в этих двух рядах можно установить морфологические различия, но (не удастся установить) никакого различия в синтаксическом плане»¹³ Далее автор рекомендует различать морфологические падежи (падежи) и синтаксические падежи (падежные отношения) При этом не всякое сочетание предлога с именем во французском языке следует, по мысли де Бура, считать синтаксическим падежом «Мы будем иметь право говорить о родительном, отложительном, местном и других падежах также и во французском, лишь если соответствующие предлоги функционируют точно таким же образом, как и падежные окончания латинского»¹⁴

Остается без объяснения, почему именно латинский язык должен служить в данном случае каким то эталоном Построения де Бура опираются на субъективные восприятия и на произвольный выбор терминов сравнения Одним из наиболее слабых мест в цепи его рассуждений оказывается попытка установить какие то чисто падежные отношения в отличие от локальных, временных, причинно следственных и других отношений Де Бур приходит в конце концов к антиисторическому универсализму, объявляя всеобщими шесть синтаксических падежей

Г В Чешко которая выступала на совещании с докладом о проблеме падежа в применении к болгарскому языку, повторила некоторые положения де Бура «В системе выражения синтаксических отношении существительного, — читаем в докладе, — можно выделить две группы синтаксических отношений

1 Собственно падежные отношения, выражаемые системой падежей Из предложных сочетаний в эту группу входят сочетания с предлогом *на* в значениях дательного адресата и приименного дополнения

2 Синтаксические отношения, которые нельзя назвать падежными, так как они не имеют в болгарском языке падежного выражения»¹⁵.

Де Бур «установил» чисто падежные синтаксические конструкции во французском языке по соотношению их с латинскими падежами Е В Чешко отвергает подход к изучению грамматических категорий данного языка с точки зрения грамматических категорий какого то другого хотя бы и родственного языка Она устанавливает «собственно падежные» синтаксические отношения существительного в болгарском языке по соотношению предложно именных конструкций с системой местоименного склонения в болгарском же языке В этом отличие позиции Е В Чешко от позиции де Бура Общим является компромиссный характер предлагаемого решения и де Бур, и Е В Чешко, как и поддерживавшие ее участники совещания, пытаются соединить на почве синтаксиса две противоположные точки зрения, охарактеризованные выше (семантическая, морфологическая) Посмотрим, как это делается

В В Бородин построила следующую цепь умозаключений «Падеж — категория грамматическая, а не только морфологическая Грамматическая система — единая система Если есть выражение падежей в местоимениях, естественно (? — Е II) оно должно быть и в именах»¹⁶ Ей возражала А М Френкель, высказавшаяся против перенесения категории одной части речи на другую¹⁷ Замечание А М Френкель справедливо В самом деле, никто ведь не считает, например, грамматическую категорию числа акциденцией имен прилагательных в английском языке на том основании, что этой категорией охватываются имена существительные

¹³ Там же стр 300

¹⁴ Там же

¹⁵ «Основные вопросы грамматики современного болгарского литературного языка» стр 32

¹⁶ Там же стр 49

¹⁷ См там же стр 53

английского языка. Высказывание В. В. Бородич бездоказательно. Е. В. Чешко в заключительном слове разъяснила, почему она считает правомерным рассматривать падеж как грамматическую категорию существительного. Оказывается потому, что «местоимение-существительное и имя существительное в синтаксическом отношении тождественны...»¹⁸.

Но так ли это? Фактический материал, которым оперировали участники дискуссии — и сторонники, и противники точки зрения Е. В. Чешко, — довольно скуден и очень напоминает отбор примеров, использованных де Буром. Между построениями *domus Petri* и *la maison de Pierre* де Бур, как уже говорилось, не усматривал никакого различия в синтаксическом плане. И это верно: здесь трудно заметить различия. Стоит, однако, выйти за пределы подобных элементарных сопоставлений, чтобы с достаточной очевидностью выявилась синтаксическая неадекватность сравниваемых грамматических средств. Ср.:

... pasemos a recordar otros sucesos del mes de Octubre; de este mes de grata transición ... entre los placeres del campo y los no ménos sabrosos de la córte y la ciudad (D. Ramón de Mesonero Romanos, *Tipos y caracteres*, 9ª ed., Madrid, 1881, стр. 186).

«... напомним теперь о других событиях, (произошедших в) октябре, в этом месяце благодатного перехода от удовольствий дачного сезона к не менее приятным (удовольствиям) столичного города (буквально: двора и города)».

Если бы флексивный показатель падежа целиком равнялся предлогу, мы должны были бы поставить в переводе: «... месяце благодатного переход-...» или «...благодатн- перехода...» и «...(удовольствиям) двора и город-» Ср. еще:

... asombrando con mis hechos heróicos a españoles y franceses (Benito Pérez Galdós, *Cádiz*, Моску, 1951, стр. 19).

«...удивляя своими (буквально: моими) подвигами испанцев и французов».

Или

A la mañana siguiente ... encontré a Daniel Suárez, mi compañero de cuarto (Armando Palacio Valdés, *La Hermana San Sulpicio*, ed. Th. Nelson, s. d., стр. 74).

«На следующее утро .. я встретил Даниэля Суареса, моего товарища по комнате».

Неадекватность падежа и предложной конструкции еще более рельефно проступает в построениях такого, например, типа:

Pero al fin sucedió lo de siempre ... (D. Ramón de Mesonero Romanos, указ. соч., стр. 231).

«Но в конце концов произошло всегдашнее...»

Lo de siempre синтаксически ничем не отличается от *la casa de Pedro*. Если следовать де Бур, пришлось бы утверждать, что в испанском склоняются даже наречия, не говоря уже о любом субстантивированном слове или словосочетании. Ср.:

... y siguiendo el sagrado precepto del *crescite et multiplicamini*... (D. Ramón de Mesonero Romanos, указ. соч., стр. 223).

«... и следуя священному завету, (гласящему:) плодитесь и размножайтесь...»

Или:

Su diversión favorita consiste en ir de un corro a otro diciendo: — Hoy tenemos conejo al vino blanco...

¹⁸ «Основные вопросы грамматики современного болгарского литературного языка», стр. 61.

— Seguro que Miguel está de operaciones — me dice el del conejo al vino blanco... (J. Izcaray, 30 días con los guerrilleros de Levante, Moscú, 1951, стр. 56, 58).

«Излюбленное его развлечение состоит в том, что он переходит от одного кружка к другому, приговаривая: „сегодня (на обед) у нас кролик, (вымоченный) в белом вине“¹⁹.

у Наверняка Мигель сейчас в деле, — говорит мне тот, (кто обычно толкует о) кролике, (вымоченном) в белом вине».

Последние два примера чрезвычайно показательны. Они свидетельствуют об особых синтаксических возможностях аналитической техники, о специфике ее сравнительно с морфологическим словоизменением. Если приравнять *el precepto del crescite et multiplicamini* к лат. *verbum vindictae* «слово „мщение“», лат. *oppidum Antiochiae* «город Антиохия» и видеть здесь этаким аналитический *genetivus exexegeticus*, то по необходимости приходим к утверждению, что в испанском склоняются... латинские императивы. Между тем, оставаясь в пределах сопоставлений вроде лат. *verbum vindictae* — франц. *le mot de vengeance* «слово „мщение“; лат. *oppidum Antiochiae* — франц. *la ville de Paris* «город Париж», легко сбиться на то, чтобы усмотреть в них синтаксическое тождество. Но тогда возникает вопрос: как очертить границу той совокупности языковых единиц, которые охватываются «аналитическим склонением»? Ведь во втором нашем примере показатель аналитического «родительного» относится не к слову *el conejo*, а к словам *el conejo al vino blanco*, что можно изобразить, употребив скобки: — *me dice el d(el conejo al vino blanco)*.

Надо полагать, что исследование конкретного материала болгарского языка позволит установить еще и другие особенности, отличающие аналитический способ выражения грамматических значений от способа морфологического. Пока ясно только, что коротенькие примеры (типа *кожа на лице* и др.), которые приводились участниками дискуссии, не могут составить достаточно солидной базы для окончательных выводов.

Е. В. Чешко, поясняя свой тезис о синтаксическом тождестве местоимения-существительного и имени существительного, говорила, что «они выполняют одни и те же функции и могут в предложении заменять друг друга»²⁰. Но это не точно. Сама Е. В. Чешко привела в докладе пример, где замена местоимения существительным невозможна. Мы имеем в виду плеонастическое построение, иначе именуемое построением с местоименной репризой (*на Иван му се сторило*), в котором местоимение, с одной стороны, и существительное, с другой, играют различную синтаксическую роль.

В испанском языке тоже встречаются плеонастические конструкции. Представляется целесообразным остановиться на одной их особенностей: возможно, нечто похожее можно будет наблюдать и на болгарском материале. Ср.:

Demostro que a los comunistas, como dice Dolores Ibarruri, se les puede romper, pero no se les puede doblar [Fernando Claudín, *Los héroes de Barcelona*, «¡Por una paz duradera, por una democracia popular!» (Bucarest) 4 VII 52].

«Он показал, что коммунистов, как говорит Долорес Ибаррури, можно убить, но нельзя согнуть (буквально: можно *их* убить, но нельзя *их* согнуть)».

¹⁹ Шутка партизана-повара состоит в том, что в дальнейшем никакого кролика на обед не подается.

²⁰ «Основные вопросы грамматики современного болгарского литературного языка», стр. 61.

Пleonастическое местоимение ставится, как видим, перед каждым глаголом. В построении без местоименной репризы повторение имени существительного не требуется. Ср

Demostro que se puede romper, pero no se puede doblar a los comunistas

Таково тонкое, но вместе с тем важное, на наш взгляд, различие, наблюдаемое в синтаксическом плане между именем существительным и местоимением.²¹ Это различие не противоречит синтаксической соотносительности, которая наблюдается между падежной формой местоимения и предложной конструкцией. Сошлемся опять-таки на испанский материал, при анализе которого нельзя не учитывать эту сторону грамматической структуры языка.

Бенд анд, конечно, неправ в своем утверждении, будто «в испанском *a* ощущается совершенно одинаково (независимо от того), скажу ли я *voy a la puerta* (я иду к двери), или *doy pan a la vieja* (я даю хлеба старухе). *A la vieja* для языкового чутья испанца в такой же мере не дательный падеж, как и *a la puerta*».²² Верно только то, что *a la vieja* не является дательным падежом. Но нельзя поставить знак равенства между *a la vieja* и *a la puerta*, ибо можно сказать *le doy pan*, но невозможно предложение *le voy* (например, в ответ на вопрос *Vas a la puerta?* — нельзя сказать *Si, le voy*).

В первом случае косвенное дополнение, выраженное сочетанием предлога *a* с несклоняемым с ловом, соотносительно с дательным падежом неудвоенного личного местоимения (*le*), во втором случае — не соотносительно.

Различная семантическая наполненность одинаковых по форме конструкций не только воспринимается с помощью языкового чутья, но находит еще свое объективное проявление. Так, наличие в испанском предложении косвенного дополнения с предлогом *a*, которое не поддается замене дательным падежом местоимения, не отменяет постановки предлога *a* перед прямым дополнением. Ср

Rosario llevo a su primo a una hermosa habitacion (Benito Pérez Galdos, *Doña Perfecta*, 8ª ed, Madrid, 1896, стр. 35)

«Росарио повела двоюродного брата в красивую комнату»

Или

Hamando a los trabajadores a la huelga y a la protesta [Antonio Mije, *La clase obrera, a la cabeza del pueblo español, en la lucha contra*

²¹ Попутно заметим, что Н. И. Толстой, уже обративший внимание участников дискуссии на возможность истолковать пример на *Иван му се сторило* не в пользу Е. В. Чешко, повидимому упрощает вопрос о происхождении плеоназма. «Недостаток средств для выражения определенных падежных отношений — говорит Н. И. Толстой — и заставил здесь изыскивать новые средства этого выражения» (там же стр. 52).

Испанский материал показывает, что местоименная реприза широко практикуется в народной речи даже в тех случаях, когда никакая двусмысленность фразе не угрожает. Ср

Decile a Teresa que la mande a la Juana al mercado (Berta Elena Vidal de Battini, *El habla rural de San Luis Bs Aires* 1949, стр. 384)

«Скажи Терезе, чтобы послала Хуану на базар»

Согласно литературной норме

Dia Teresa que mande a Juana al mercado

Или

La vieje viendu d'ai qu'il dispoit la'stabizandule a la mose [M. A. Luria, *A Study of the Monastir Dialect of Iudaeo-Spanish based on oral material collected in Monastir, (Revue Hispanique)* LXXIX, New York 1930, стр. 355]

«Старуха видя оттуда как епископ целует девушку»

Здесь обращает на себя внимание двукратный плеоназм («сверхплеоназм»)

²² G. W. C. G. and *Spanische Grammatik für Lateinschulen Universitätskurse und zum Selbstunterricht*, Halle, 1922 (§ 85)

el fascismo, «Por una paz duradera por una democracia popular» (Bucarest) 8 VI 51]

«призывая трудящихся к забастовке и протесту»

Если же косвенное дополнение соотносительно с дательным падежом местоимения, то прямое дополнение вводится непосредственно (без предлога)²³ Ср

Como el Cid quiere encomendar en la batalla sus yernos a Pero Vermuez, así Carlomagno encomienda *el joven Roldan*, que pelea por primera vez en Aspremont, a la custodia de Ogier el Danes (R Menendez Pidal, *Cantar de Mio Cid*, t II, Madrid, 1914, стр 464)

«Как Сид хочет поручить на время сражения своих зятьев Педро Бермудесу, так и Карл Великий отдает молодого Роланда, впервые вступающего в бой у Аспремонта, под покровительство Ожье Датчанина»

Итак, соотносительность некоторых предложных конструкции с соответствующим падежом склоняемого местоимения нельзя оставлять без внимания, когда речь идет об исследовании синтаксических норм, действующих в языке типа испанского, французского, болгарского. Но соотносительность не есть тождество. Ошибка Е. В. Чешко, на наш взгляд, в том как раз и состоит, что из верного наблюдения она делает не вытекающий из него вовсе и потому ложный вывод, который тянет за собой требование признать кое-какие из сочетаний неизменяемого имени с предлогом аналитическими формами падежа.

Ю. С. Маслов пытался подкрепить тезис Е. В. Чешко такими соображениями: «Почему, когда мы говорим, что глагол *сѣм* плюс причастие или, в русском языке, глагол *буду* плюс инфинитив есть форма времени, мы не боимся смешения морфологии и синтаксиса? Почему форма времени может быть сложной, состоящей из двух слов, а форма падежа — не может?»²⁴

Строго говоря, сочетание *буду писать* не есть форма слова. Здесь сочетание двух слов, каждое из которых имеет свою собственную форму.²⁵ Правда, в науке утвердилось использование термина «аналитическая форма будущего времени»²⁶ (лучше бы говорить об аналитическом способе передачи будущего времени). Но эта терминологическая неточность в отношении глагольной категории не грозит такими осложнениями, какие неизбежно возникают, если применять термин «аналитический падеж». Дело в том, что аналитическая конструкция «буду + инфинитив» четко соотносится с морфологическим выражением категории времени, причем соотношение это имеет место в пределах одной и той же части речи. Кроме того, внутри сочетания «буду + инфинитив» не встречается грамматиче-

²³ Нарушения этой закономерности имеют место. Ср — *Tengo el honor de presentar a usted, al señor Sanjurjo* (A. Palacio Valdes *La hermana San Sulpicio* стр 263) «Имею честь представить Вам сеньора Санхурхо». Причины нарушения не ясны до конца. Однако общая тенденция сформулированная выше, проступает достаточно отчетливо.

²⁴ «Основные вопросы грамматики современного болгарского литературного языка», стр 60.

²⁵ Характерно, что когда будущее время передано аналитическим способом, прямое дополнение в отрицательном предложении ставится не в родительном, а в винительном падеже. Ср *Я не читал этой статьи* но *Я не буду читать эту статью* нельзя сказать *Я не буду читать этой статьи*, т. е. так как в предложении *Я не хочу читать эту статью* где, по общему мнению, мы имеем сочетание двух слов — *хочу и читать*.

²⁶ См., например В. В. Виноградов, *Русский язык*, стр 569. Попутно заметим, что академик В. В. Виноградов признает «некоторую синтаксическую самостоятельность» ф о р м ы *буду*.

ских омонимов²⁷. Этих условий нет внутри сочетаний несклоняемых имен с предлогами. Поэтому термины «аналитический падеж», «аналитическое склонение» только запутывают дело.

Целям научного исследования наиболее соответствует, на наш взгляд, определение падежа как морфологической категории. Е. В. Чешко и В. В. Бородич усматривают в таком определении падежа, повидимому, тот минус, что синтаксические отношения имени будто бы остаются вне поля зрения исследователя²⁸. Но это — недоразумение. Определив категорию падежа как категорию морфологическую, мы тем самым отнюдь не устраняем необходимости исследовать синтаксические отношения склоняемых слов²⁹. «Мы изучаем правила изменения слов данного языка и, следовательно, изменение имени по падежам в морфологии, но установить, имеем ли мы дело с двумя различными падежными формами или с двумя дублетными формами одного и того же падежа, мы можем лишь на основании тождества или различия синтаксических значений соответствующих форм, т. е. на материале той области, задачей которой является изучение „сочетания слов в предложении.“»³⁰. Таким образом, нет серьезного основания спорить о том, является ли категория падежа категорией морфологической или грамматической. Это — морфологическая, тем самым и грамматическая категория.

О категории падежа можно говорить лишь постольку, поскольку в языке обнаруживается определенная система словоизменительных форм, с помощью которых выражаются понятия о связях между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире объективной действительности. В языках, где такой системы нет, нет склонения, а потому нет и падежей.

В грамматической категории падежа, там, где она есть, проявляется национальная самобытность языков (как, впрочем, и во всех других грамматических категориях). Специфика языков сказывается не только в том, что количество падежей различается от языка к языку, и не только в том, что один и тот же падеж в различных языках имеет, как правило, неодинаковый объем значений. Специфика языков сказывается еще и в том, что категория падежа охватываются в различных языках различные лексико-грамматические разряды слов. Так, в русском языке склоняются имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения и причастия; в испанском, португальском, итальянском и современном французском языках склоняются только личные местоимения безударные. В болгарском языке система падежей имеет также свою специфику, но по своему характеру является более близкой к системе падежей в перечисленных выше романских языках.

²⁷ Под грамматическими омонимиями мы подразумеваем случаи типа франц.: 1) *les portes de la ville sont fermées tous les jours à 8 heures* (= нем. werden geschlossen, лат. clauduntur) «городские ворота запираются ежедневно в 8 часов»; 2) *les portes de la ville sont fermées* (= нем. sind geschlossen, лат. clausae sunt) «городские ворота закрыты».

²⁸ См. «Основные вопросы грамматики современного болгарского литературного языка», стр. 63 и 49.

²⁹ Если мы будем игнорировать синтаксис, то встанем на узко морфологическую точку зрения, которая не позволяет вскрыть систему словоизменительных форм.

³⁰ Н. С. Кузнецов, О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, вып. 1, стр. 61.